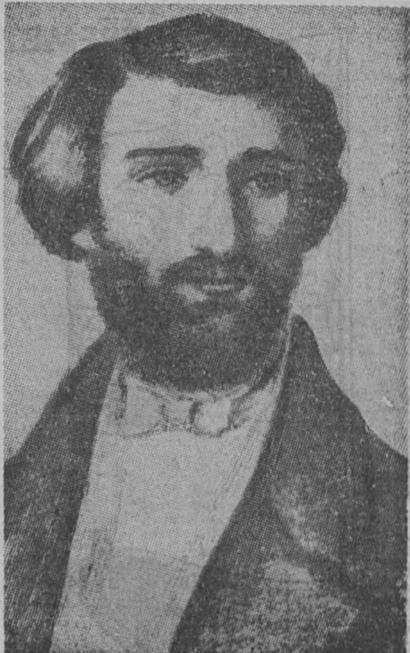

10 октября исполнилось 175 лет со дня рождения Джузеппе Верди.

В конце 70-х годов прошлого столетия во французской газете «Менестрель» начала выходить «анекдотическая биография» Д. Верди, написанная Артуром Пуженом. Она, конечно, заинтересовала не только французов, но и итальянцев, не говоря уже о «главном виновнике» такого незаурядного литературно-музыкального события. Рикорди, издатель Верди, тут же заказал перевод этой биографии журналисту Якопо Капони. По мере того как продвигался перевод, его автор, сам страстный поклонник творчества своего соотечественника, все больше дивился тем «лакунам», которые постоянно возникали в опусе Пужена; туда не вошли, по мнению Капони, многие значительные события, или, как тогда выражались, «анекдоты» из жизни Верди, которая, как и полагается, была в мельчайших подробностях известна итальянцам, справедливо считавшим Верди национальным героем. Тогда переводчик начал добавлять к биографии свои пространные вставки. Но одна из них была сделана самим маэстро, который, хотя и не любил «паблисити», всевозможные биографии, газеты и вообще любые посягательства на частную жизнь художника, согласился рассказать в деталях о начале своей музыкальной карьеры «ради точности изложения». Он сам продиктовал «автобиографическую записку» издателю на своей вилле в Сант-Агата осенью 1879 года, когда композитору исполнилось 66 лет.

Джузеппе
ВЕРДИ

ЗАМЕТКИ О СЕБЕ

В 1833-м или 1834 году в Милане существовало филармоническое общество, в котором состояло немало хороших голосов; им руководил Мазини, который, хотя и не обладал особой ученостью, отличался завидной профессиональной хваткой и великим терпением. В филармоническом театре готовились к постановке оратории Гайдна «Сотворение мира». Мой учитель Лавинья спросил меня, не хотел бы я для улучшения своего образования присутствовать на репетициях, и я с радостью согласился.

Никто не обратил внимания на скромного юношу, сидящего в углу. Репетиции проходили под руководством трех маэстро: Перелли, Боньольди, Альмазио. Но вот в один прекрасный день, по странной прихоти судьбы, все три дирижера на репетиции не явились. Исполнители начали нервничать, и тогда маэстро Мазини, который не мог сесть за инструмент и сыграть партитуру, обратился ко мне с просьбой выполнить, если можно, функции аккомпаниатора, но, вероятно, не будучи особо уверен в способностях молодого и не известного ему артиста, сказал мне: «Достаточно лишь басового ключа». Мои знания тогда еще не испарились из головы, и я, конечно, не испытывал ни малейшей трудности перед оркестровой партитурой. Я хорошо помню иронические ухмылки на лицах музыкантов-любителей, так как, судя по всему, моя юность, модный, не лишенный элегантности костюмом не внушали им особого ко мне доверия. Итак, мы приступили к репетиции, и постепенно, входя во вкус и одушевляясь, я уже не ограничивал себя лишь аккомпаниаторством, а начал дирижировать правой рукой, перебирая клавиши только левой. Это был для меня настоящий успех, который мне казался еще более грандиозным из-за своей полной неожиданности.

Наконец то ли потому, что у трех вышеупомянутых маэстро было слишком много других дел, или же по каким иным причинам они не могли появиться на работе, но в конечном итоге они доверили мне проведение всего концерта целиком. Это представление имело такой успех, что через день было повторено в большой зале Казино ди Нобили (Дворянское собрание) в присутствии герцога и герцогини Райнер и всего высшего света.

Мазини, вероятно, теперь поверил в молодого музыканта и предложил мне написать оперу для филармонического театра, который он возглавлял, и даже вручил мне либретто (затем с некоторыми переделками оно стало моей оперой «Оберто, граф Сан-Бонифацио»). Я с радостью принял это предложение и отправился в Буссето, где служил органистом. Я жил в Буссето около трех лет. Завершив оперу, я отправился в Милан, захватив с собой партитуру, приведенную в строгий порядок.

Но здесь вдруг возникли неожиданные трудности. Мазини уже не был директором филармонического театра, а по моему о постановке моей оперы не могло идти и речи. Однако, может, из-за того, что он действительно верил в меня или просто хотел как-то выразить свою благодарность за успешную постановку «Сотворения мира» Гайдна, он пригласил меня помочь ему готовить и иногда дирижировать различными спектаклями, правда, без какого-либо вознаграждения. Он, судя по всему, ничуть от этого не страдал, но постоянно заверял меня, что обя-

зательно добьется постановки моей оперы в Ла Скала по случаю бенефиса «института папы Пия».

Наконец все было улажено к весне 1839 года, и это событие было для меня вдвойне счастливым, так как в репетициях оперы принимали участие выдающиеся исполнители: Стреппони, тенор Мориани, баритон Ронкони и бас Марини.

Когда все роли были распределены и начались репетиции, вдруг серьезно заболел Мориани.

Таким образом, все застопорилось, и в дальнейшем не могло быть и речи о постановке моей оперы. Я был в отчаянии и уже подумывал о возвращении в Буссето, когда вдруг однажды утром ко мне на квартиру приходит служка из Ла Скала и совершенно бесцеремонно спрашивает: «Это вы тот маэстро из Пармы, который хотел дать оперу в бенефис «института папы Пия»? Ступайте в театр, вас хочет видеть импресарио». «Это правда?» — воскликнул я, а этот человек с невозмутимым видом ответил: «Да, синьор, он велел мне позвать маэстро из Пармы, который хотел давать здесь оперу; если этот маэстро вы и есть, то тогда пошевеливайтесь!»

Я немедленно отправился за ним.

В то время импресарио был Бартоломео Мерелли. Однажды вечером на сцене театра он подслушал разговор между синьором Стреппони и Ронкони, в котором она благоприятно отзывалась о моей музыке в «Оберто». Ее мнение целиком разделал и Ронкони.

Я предстал перед Мерелли, который быстро, без обиняков заявил мне, что, руководствуясь благоприятными отзывами о моей музыке, он намеревался дать ее в следующем сезоне: если мне подходит такое предложение, то мне предстоит сделать некоторые переделки в партитуре, так как в опере будут заняты не четыре, как у меня, а три исполнителя. Это было замечательное предложение: молодой, никому не известный музыкант встречается импресарио, который отважился «поставить его новое сочинение, даже не задавая вопроса относительно возможной компенсации, хотя, само собой разумеется, я в то время ничего ему и не мог предложить. Мерелли шел на большой риск, выражая согласие оплатить все расходы по постановке оперы. Мне же он просто предложил разделить пополам ту гипотетическую сумму, которую я могу получить, если удастся продать партитуру. Не могу сказать, что он делал невыгодное для меня предложение: ведь речь шла об опере какого-то новичка! Но факт остается фактом: после успеха оперы Джованни Рикорди купил права на ее издание за 2000 лир.

«Оберто, граф Сан-Бонифацио» имела не очень большой успех.

Затем Мерелли сделал мне предложение, которое по тем временам отличалось невиданной щедростью: он предложил мне

контракт, по которому я должен был написать три оперы с интервалом в восемь месяцев, а он как импресарио обязывался их поставить либо в Ла Скала, либо в Венском театре. Он брался выплачивать мне по 4000 австрийских лир за каждую, а доход, полученный за продажу партитур, делился поровну между нами. Я тут же согласился, а он перед своим отъездом в Вену дал указание поэту Росси снабдить меня подходящим либретто. Им оказался «Изгнанник». Однако я не был полностью удовлетворен этим либретто и даже еще не приступил к сочинению музыки, когда Мерелли, возвратившись в Милан в начале 1840 года, заявил, что ему к осени позарез нужна опера-буфф в силу особенностей его репертуара. Он сказал, что тут же раздобудет для меня новое либретто, а «Изгнанником» я смогу заняться позже. Я не отказался от его нового предложения, и Мерелли дал мне почитать несколько либретто, которые давно лежали, позабытые всеми. Все они мне не понравились, но, уступая активному на меня давлению, я выбрал то из них, которое было, по моему мнению, наименее слабым. Им оказался «Мнимый Станислав», позже переименованный в «День царства».

В то время я жил в скромной, маленькой квартирке вместе со своей многочисленной семьей — молодой женой Маргаритой Бареззи и двумя детишками...

Но тут начались серьезные несчастья. В

щу либретто, отдам его вам в полное распоряжение...

— Бравой! Вот повезло так повезло... Разговаривая об этом, мы подошли к театру, прошли за кулисы в его кабинет. Мерелли подывает Басси, этого поэта, сценического директора, библиотекаря, вышибалу и т. д. и т. п., и просит его взглянуть в архив, нет ли там копии «Изгнанника». Она оказывается на месте. Тут же Мерелли берет со стола какую-то другую рукопись и, продемонстрировав ее мне, восклицает:

— Вот, посмотри, либретто, написанное Солерой! Прекрасный сюжет, как можно от такого отказываться?! Возьми прочти...

— На кой черт оно мне нужно? Нет, брат, уволь, у меня нет никакого желания читать это либретто...

— Боже, но это не причинит тебе никакого вреда. Прочти и возврати мне его, — и он вложил в мои руки рукопись: это была толстая тетрадка.

Я свернул ее, попрощался с Мерелли и отправился домой. Мне было как-то не по себе, какая-то боль овладела мной, сердце сжималось от смутной жути. Я пришел домой и с доселе неизвестной мне яростью швырнул тетрадь на стол, а сам подошел к нему и замер как вкопанный. Я не спускал глаз с несчастной тетради. Падая на стол, она раскрылась. Я остановил взор на раскрывшейся странице, и вот какой стих предстал передо мной:

Умчись, мысль, на золотых крылах...

Я прочитал стихи до конца страницы, и они произвели на меня громадное впечатление, тем более что оказались парафразом отрывка из Библии, которую я всегда читал с большим удовольствием.

Я прочитал отрывок, второй... Затем, твердо решившись более не менять своего намерения никогда больше не сочинять музыку, я сделал над собой усилие, приказал своей воле подчиниться, закрыл либретто и отправился спать... Но не тут-то было... Сон не шел... «Набукко» так и сверлил мне голову. Я встал, прочел либретто, второй раз, третий, еще несколько раз подряд, так что к утру выучил все либретто Солеры наизусть. Но я совсем не желал менять своего решения! Днем я заглянул в театр, чтобы вернуть либретто Мерелли.

— Прекрасное либретто, а? — сказал он.

— Превосходное.
— Ну вот. Напиши по нему оперу.
— Ни за что на свете... Даже слышать не хочу.

— Напиши музыку, напиши музыку!
Я повторил то, что сказал ему прежде. Он схватил со стола тетрадку, захватил ее в карман моего пальто, схватил меня за плечи и не только вытолкнул из кабинета, но еще и захлопнул передо мной дверь и повернул в замке ключ.

Что делать?
Я вернулся домой с «Набукко» в кармане: один день — стихок, в другой — второй, один день — нотка, в другой — музыкальная фраза, и вот... мало-помалу опера была написана...

Это произошло осенью 1841 года, и, вспомнив об обещании Мерелли, я отправился к нему и сообщил, что опера «Набукко» готова и ее можно поставить к следующему сезону — к карнавалу на Великий пост.

Мерелли выразил готовность исполнить свое обещание, но в то же время сказал, что к следующему сезону оперу вряд ли можно поставить, так как уже существует договоренность о постановке трех опер известных композиторов, и еще одна, четвертая по счету опера, написанная новичком, станет опасностью не только для маститых авторов, но и для него самого; поэтому, по его словам, благоразумно подождать до весны. Но я наотрез отказался ждать: либо к карнавалу, либо никогда...

Мерелли, хотя и хотел мне угодить, не совсем ошибался, будучи опытным импресарио: четыре новые оперы в один сезон — слишком большой риск! Но на моей стороне была, несомненно, сильная художническая аргументация.

Я был тогда молод, и в моих венах текла горячая кровь. Я написал яростное письмо Мерелли, в котором излил весь свой яд. Должен признаться, что, отправив письмо, я все же испытал угрызения совести. Я считал, что все погибло. Мерелли послал за мной:

— По-твоему, именно так нужно писать своему другу? Ну, ладно, ладно, ты прав. Мы дадим «Набукко». Но имей в виду, я несю большие расходы по постановке других опер, и у меня нет средств на костюмы и декорации, изготовленные специально для твоей оперы... придется подлатать то лучше, что есть из приемлемого баракла на складе...

Я был согласен со всем на свете, важно только, чтобы опера пошла! И вот напечатана новая афиша, на которой я с радостью и волнением прочитал: «НАБУККО»!